

ОГЛАВЛЕНИЕ

ГЛАВА ПЕРВАЯ • АФИНА

Знакомство с разумным моллюском 7

ГЛАВА ВТОРАЯ • ОКТАВИЯ

*Не может быть:
они чувствуют вкус чужой боли и видят сны* 43

ГЛАВА ТРЕТЬЯ • КАЛИ

Братство рыб 79

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ • ЯЙЦА

Начало, конец и материнство 117

ГЛАВА ПЯТАЯ • ПРЕВРАЩЕНИЕ

Искусство дышать в океане 155

ГЛАВА ШЕСТАЯ • ИСХОД

Свобода, желание и побег 189

ГЛАВА СЕДЬМАЯ • КАРМА

Выбор, судьба и любовь 221

ГЛАВА ВОСЬМАЯ • СОЗНАНИЕ

Думать, чувствовать, знать 257

Благодарности 295

Избранная библиография 299

Об авторе 315

АФИНА

Знакомство с разумным моллюском

На редкость теплым и солнечным днем в середине марта, когда тающий снег обнажил первую грязь в Нью-Хэмпшире, я приехала в Бостон. Гавань была полна людей, которые прогуливались по набережной или сидели на скамейках, наслаждаясь мороженым в рожках. Но я променяла ласковые лучи весеннего солнца на влажную полутьму Аквариума Новой Англии. У меня была назначена встреча с гигантским тихоокеанским осьминогом.

Я мало что знала об осьминогах — честно признаться, и понятия не имела, что их латинское название *Octopoda* произошло от древнегреческих слов «восемь ног». Но то, что я знала, меня интриговало. Представьте себе животное с ядом, как у змеи, клювом, как у попугая, и чернилами, как в старых перьевых ручках. Осьминог может весить как взрослый мужчина и растягиваться на длину «Кадиллака», но при этом он способен протиснуть свое мешковатое бескостное тело сквозь отверстие размером с апельсин. Он

может менять цвет и форму и ощущать вкус кожей. Но самое удивительное — его интеллект. Мой скудный опыт знакомства с этим животным подтверждал правдивость этого факта: во время посещения общественных океанариумов у меня, как и у многих других, возникало стойкое ощущение, что не только я смотрю на осьминога, но и он смотрит на меня, причем с ничуть не меньшим интересом.

Как такое возможно? Трудно найти более непохожее на человека животное, чем осьминог. Его тело устроено совершенно иначе. У нас сначала идет голова, затем туловище и конечности. У осьминогов — сначала туловище и только потом голова и конечности. Их рот расположен в подмышке — или между ног, если считать их конечности не руками, а ногами. Они дышат водой. Их щупальца покрыты сотнями цепких присосок — структур, аналогов которым нет в мире млекопитающих.

Осьминоги не только находятся по ту сторону великого разделения между позвоночными животными — млекопитающими, птицами, рептилиями, амфибиями, рыбами — и всеми остальными, но и среди беспозвоночных относятся к таким не слишком интеллектуальным животным, как моллюски, например слизни, улитки и устрицы. А у двусторчатых моллюсков вообще нет мозга.

Разделение между человеческой ветвью и ветвью осьминогов произошло около 500 миллионов лет назад. Если наша ветвь пошла по пути эволюции сознания, то почему этого не могла сделать и другая ветвь?

Осьминоги олицетворяют собой великую тайну «Иных»: хотя они кажутся нам совершенно чуждыми созданиями, их мир — океан — занимает намного больше поверхности Земли, чем суша (70% всей площади планеты, то есть более 90% пригодной для жизни территории). Большинство животных на нашей планете живут в океане. И большинство из них — беспозвоночные.

Я захотела поближе познакомиться с осьминогами. Прикоснуться к другой реальности. Исследовать иной тип сознания, если таковое существует. Каково это — быть осьминогом? Есть ли у него с человеком что-то общее? Возможно ли такое познание в принципе?

Поэтому, когда директор по связям с общественностью Аквариума Новой Англии встретил меня в вестибюле и повел знакомиться с Афиной, я чувствовала себя так, словно я особый гость в ином мире. Хотя на самом деле именно в тот день я начала знакомство с нашим собственным миром — нашей родной голубой планетой — поистине невероятным и фантастическим уголком, в котором я, посвятившая полвека натуралистическим исследованиям, наконец почувствовала себя как дома.

Главного смотрителя Афины не оказывается на месте, и я снижаю: не каждому сотруднику океанариума разрешается открывать резервуар с осьминогом, и не зря. Гигантский осьминог — крупнейший из примерно 250 существующих в мире видов осьминогов — может с легкостью одолеть человека. Одной своей присоской диаметром около семи сантиметров он способен поднять больше тринадцати килограммов, а у гигантского осьминога таких присосок 1600. При укусе осьминог может впрыскивать нейротоксичный яд, а его слюна способна растворять плоть. Кроме того, осьминог может выбраться из открытого аквариума и сбежать, а сбежавший головоногий гигант представляет серьезную проблему как для себя самого, так и для аквариума.

К счастью, мне вызывается помочь другой смотритель, по имени Скотт Дауд. Крупный мужчина чуть старше сорока со смеющимися голубыми глазами и бородой с проседью, Скотт — старший смотритель в Пресноводной галерее,

расположенной по соседству с галерей Холодных Морей, где живет Афина. Впервые Скотт попал в океанариум еще младенцем в день его открытия 20 июня 1969 года и с тех пор практически его не покидал. Он лично знает здесь почти каждое животное.

Возраст Афины — около двух с половиной лет, вес — примерно восемнадцать килограммов, говорит мне Скотт, поднимая тяжелую крышку на резервуаре. Я поднимаюсь на три ступеньки по маленькой передвижной лестнице и наклоняюсь над люком. И вот Афина передо мной. Длинной она около полутора метров. Ее голова — под «головой» я имею в виду не только голову, но и мантию, то есть туловище, которое находится там, где у млекопитающих мы привыкли видеть голову, — размером с небольшой арбуз. «Скорее, с дыню, — уточняет Скотт. — Когда она к нам поступила, ее голова была не больше грейпфрута». Гигантский осьминог — одно из самых быстрорастущих животных на планете. Вылупляясь из яйца размером с рисовое зернышко, за три года он может обогнать в длине и весе взрослого мужчину.

Едва Скотт успевает открыть крышку, как Афина, сидевшая в дальнем углу 2500-литрового аквариума, уже тут как тут. Ее тело краснеет от возбуждения. Держась двумя «руками» за угол, остальные шесть она тянет к нам — на поверхности воды появляются кончики ее щупалец с белыми присосками. Это похоже на ладонь человека, раскрытую для рукопожатия.

— Можно ее потрогать? — спрашиваю я у Скотта.

— Конечно, — говорит он.

Я снимаю наручные часы и шарф, закатываю рукава и по локоть погружаю руку в воду. Она оказывается ужасно холодной — всего 8°C.

Щупальца мгновенно приходят в движение и обхватывают мою руку. Я чувствую прикосновение десятков пытливых желеобразных присосок.

Не каждому понравится это ощущение. Натуралист и исследователь Уильям Биб считал прикосновение осьминога отвратительным. «Каждый раз мне приходится делать усилие, чтобы заставить себя протянуть руку и взяться за щупальце», — признавался он. Виктор Гюго описывал контакт с осьминогом как «воплощенный кошмар», ведущий к неминуемой гибели. «Множеством гнусных ртов приникает к вам эта тварь; гидра срастается с человеком; человек сливается с гидрой. Если тигр может всего лишь сожрать вас, осьминог — страшно подумать! — высосать, — пишет Гюго в своем романе «Труженики моря». — Ваши мускулы вздуваются, сухожилия скручиваются, кожа лопается под мерзкими присосками; кровь брызжет и смешивается с отвратительной лимфой моллюска». Страх перед осьминогами глубоко укоренился в человеческой психике. «Ни одно другое животное не подвергает человека более страшной смерти в водной стихии, — писал Плиний Старший в своем энциклопедическом труде «Естественная история» примерно в 79 году, — ибо спрут обвивает человеческое тело своими щупальцами, всасывает через присоски, раздирает его на куски...»

Но Афина прикасается ко мне нежно, хотя и настойчиво. Это похоже на поцелуй инопланетянина. В конце концов она поднимает свою дынеобразную голову над поверхностью воды, поворачивается ко мне левым глазом — у осьминогов тоже есть доминирующий глаз, как у людей ведущая рука, — и смотрит прямо на меня. Ее черный зрачок похож на жирную черточку на жемчужном шаре. Ее взгляд напоминает мне взор индуистских богов и богинь: безмятежный, всезнающий, полный безграничной, вневременной мудрости.

— Она изучает тебя, — говорит Скотт.

Я инстинктивно протягиваю руку, чтобы прикоснуться к ее голове. «Мягкая, как кожа, крепкая, как сталь, холодная, как ночь» — так описывал Гюго плоть осьминога. Но,

к моему удивлению, ее голова оказывается шелковистой и нежной, как заварной крем. Ее кожа, усеянная рубиновыми и серебристыми крапинками, похожа на отражение звездного неба на темно-бордовой глади моря. Стоит мне легонько погладить Афины кончиками пальцев, как ее кожа бледнеет под моими прикосновениями. Белый цвет означает, что осьминог спокоен и расслаблен; у каракатиц, близких родственников осьминогов, самки тоже белеют при встрече с другими самками, поскольку им не нужно с ними сражаться или убегать.

Возможно, Афина даже знает, что я — тоже самка. Самки осьминогов, как и женщины, вырабатывают эстроген, так что Афина вполне могла почувствовать мой эстроген кожей. Осьминоги способны воспринимать вкус всей поверхностью своего тела, но самые развитые рецепторы вкуса находятся у них в присосках. Таким образом, Афина не просто ощупывала меня — она пробовала на вкус мою кожу и, возможно, даже чувствовала мои мышцы, кости и кровь под ней. Хотя мы познакомились всего несколько минут назад, это существо успело изучить меня лучше, чем многие мои хорошие знакомые.

Кажется, она изучает меня с ничуть не меньшим любопытством, чем я ее. Она медленно обхватывает мои руки щупальцами — сначала маленькими присосками на самых кончиках и вот уже более крупными и мощными ближе к голове. Я стою на верхней ступеньке лестницы, согнувшись под углом 90 градусов, как полураскрытая книга, и вдруг понимаю, что происходит: она постепенно затягивает меня в свой аквариум.

Как бы я ни хотела попасть в ее мир, увы, это невозможно. Ее логово находится под скалистым навесом, внутри которого сама Афина может затекать, как вода. Я же ограничена своими костями и суставами. Если бы я стояла на ногах, вода в аквариуме доходила бы мне до груди — но Афина

затягивает меня в воду головой вниз, поэтому вскоре я попросту задохнулась бы. Я спрашиваю у Скотта, можно ли мне освободиться от ее захвата, и он аккуратно отрывает ее щупальца от моих рук — присоски при этом издают хлюпающие звуки, как маленький вантуз в раковине.

«Осьминог?! Но они же настоящие чудовища! — тревожно восклицает моя подруга Джоди Симпсон, услышав на следующий день мой рассказ во время прогулки с нашими собаками. — Неужели тебе не было страшно?» Стоит заметить, что ее опасение отражает не столько плохое знание мира живой природы, сколько слишком хорошее знание западной культуры.

Ужас перед гигантскими осьминогами и кальмарами присутствует во всех формах западного искусства, начиная со скандинавских легенд XIII века и заканчивая современными голливудскими фильмами. В древней исландской «Саге об Одде Стреле» упоминается «хафгуфа» — огромное существо, которое «заглатывало людей, корабли, китов и все, что попадалось ему на пути». Впоследствии «хафгуфа», пра-матерь всех морских чудовищ, подарила жизнь и мифу о кракене. В 1801 году рассказ французских моряков о нападении на их корабль осьминогов-убийц у берегов Анголы вдохновил специалиста по моллюскам Пьера Дени де Монфора создать самый запоминающийся художественный образ спрута: на его знаменитой акварели огромное головоногое поднимается из океанской пучины и оплетает своими мощными щупальцами трехмачтовую парусную шхуну. Такая та-туировка до сих пор пользуется неизменной популярностью среди мореплавателей. Де Монфор объявил об открытии как минимум двух видов гигантских моллюсков и возложил на один из них ответственность за гибель десятка британских военных кораблей, которые сгинули однажды ночью

1782 года совершенно таинственным образом. (К стыду Монфора, один из выживших впоследствии признался, что все корабли утонули во время сильного шторма.)

В 1830 году британский поэт Альфред Теннисон в сонете «Кракен» увековечил подводного монстра, чьи «чудовища-полипы, без числа, гигантскими руками навевают зеленый цвет дремотствующих вод» (перевод К. Д. Бальмонта). И разумеется, нельзя обойти вниманием мстительных спрутов из популярного научно-фантастического романа «Двадцать тысяч лье под водой», изданного французским писателем Жюлем Верном в 1870 году. Хотя в фильме 1954 года с одноименным названием осьминог превратился в гигантского кальмара, в первой экранизации этой книги 1916 года Джон Уильямсон поразил публику реалистичными подводными съемками именно со спрутами. Вот что говорил Уильямсон о своем главном злодее: «Акулы-людоеды, ядовитые мурены, смертоносные барракуды покажутся безобидными, невинными, дружелюбными, даже приятными существами в сравнении со спрутом. Никакими словами нельзя описать тот тошнотворный ужас, который испытываешь, встретившись глазами с немигающим взглядом откуда-то из тьмы... Вас обдает холодным потом, а сердце сжимается под его тяжестью».

Но я полна решимости защитить этих несчастных созданий от многовековых наветов. «Какие же это чудища!» — возражаю я подруге. Толковый словарь определяет чудовище как что-то «огромное, уродливое, внушающее страх». Мне же Афина показалась прекрасной и невинной, как ангел. Пospорила бы я и с определением «огромный» в отношении осьминогов: и тут они явно не дотягивают до монстров. Самый крупный вид — гигантский осьминог — вовсе не такой уж гигант, каким его принято считать. Возможно, в прошлом действительно можно было отыскать осьминогов с размахом щупалец более 45 метров, но официально

самый большой осьминог, занесенный в Книгу рекордов Гиннеса, весил 272 килограмма при размахе щупалец всего 9,6 метров. В 1945 году у побережья Санта-Барбары в Калифорнии был выловлен еще более крупный моллюск, по сообщениям, весивший более 180 килограммов; однако анализ фотографии, где он для сравнения снят рядом с человеком, показал, что длина его щупалец составляет всего 6–7 метров. Но даже эти современные великаны не могут по размерам сравниться со своими ближайшими родственниками — антарктическими гигантскими кальмарами. Недавно новозеландское рыболовецкое судно выловило в водах Антарктики особь весом более 495 килограммов и длиной более 9 метров. В наши дни любители монстров жалуется, что все самые большие осьминоги, скорее всего, были выловлены еще полвека назад.

Мой увлеченный рассказ о грациозности Афины, ее мягкости и явном дружелюбии не смог развеять скептицизма моей подруги. В ее сознании огромное склизкое головоногое прочно ассоциировалось с понятием «монстр». «Ладно, в конце концов, в них нет ничего плохого», — заявила я, решив сменить тактику.

Я всегда питала пристрастие к монстрам. В детстве я переживала за Годзиллу и Кинг-Конга, а не за людей, пытавшихся их убить. Мне казалось, что гнев монстров был вполне оправдан. Никто не любит просыпаться от грохота ядерных взрывов, поэтому я понимала желание Годзиллы крушить все вокруг. Что же до Кинг-Конга, то его на злодеявства толкнула любовь к прекрасной Фэй Рэй — и кто из представителей сильной половины человечества посмел бы его в этой страсти упрекнуть! (Хотя, как по мне, ее истошные крики могли бы вывести из себя и менее терпеливое существо, чем горилла.)

Если взглянуть на мир глазами чудовищ, все их действия обретают смысл. Сложность лишь в том, чтобы научиться думать как монстр.

После того как Скотт разорвал наши с Афиной тесные объятия, та удалилась в свое логово. Я же нетвердым шагом спустилась со стремянки и, ошеломленная, остановилась перевести дух.

— Вот это да! — только и сумела вымолвить я.

— Как странно, что она разрешила вам погладить себя по голове, — заметил Скотт. — Просто удивительно.

Он рассказал, что предыдущие два осьминога, жившие в океанариуме, Трумэн и Джордж, позволяли посетителям прикоснуться только к своим щупальцам, но к голове — никогда.

Поведение Афины было особенно поразительно, принимая во внимание ее характер. Если Трумэн и Джордж были спокойными невозмутимыми самцами, то Афина недаром заслужила имя древнегреческой богини войны и стратегии. Она была весьма раздражительной особой — очень активной и легковозбудимой, о чем свидетельствовал тот факт, что ее кожа часто становилась бугристой и окрашивалась в красный цвет.

Осьминоги очень сильно отличаются друг от друга по характеру. Поэтому зрители часто подбирают им имена, которые отражают их особенности: например, в Аквариуме Сиэтла жила самка гигантского осьминога, названная в честь американской поэтессы Эмили Дикинсон. Эта девушка была настолько застенчива, что все дни проводила, прячась у задней стенки аквариума, и почти не показывалась на глаза публике. В конце концов ее выпустили в океан у побережья Пьюджет-Саунд, где ее когда-то поймали. Еще одного осьминога прозвали «Ларри в выходном костюме» в честь персонажа одноименной компьютерной игры с элементами эротики: он любил слишком страстно обнимать зрителя, и, как только бедолага отдирает от своего тела одно назойливое щупальце, тот немедленно обвивал его двумя другими.

Третья самка получила имя Лукреции Макэвел, поскольку она разбирала на части буквально все, что попадало к ней в аквариум.

Осьминоги понимают, что и люди все разные. Кто-то им нравится, кто-то — нет. И с теми, кому они доверяют и кого хорошо знают, они ведут себя совершенно по-другому. Джордж, например, относился к посетителям с некоторой настороженностью, однако со своим зрителем Биллом Мерфи был дружелюбным и расслабленным. Перед визитом в Аквариум Новой Англии я посмотрела на YouTube видео, снятое в 2007 году: Джордж плавает на поверхности воды и нежно ощупывает Билла своими присосками, пока долговязый аквариумист, перегнувшись через край люка, поглаживает и почесывает его голову. «Я считаю Джорджа своим другом, — говорит Билл оператору. — Мы каждый день общаемся, проводим вместе много времени, и мне нравится о нем заботиться. Некоторым людям осьминоги кажутся скользкими и противными, но я их люблю. В чем-то они совсем как собаки: Джордж просто обожает, когда я ласкаю ему голову и чешу лоб».

Осьминоги быстро выясняют, кто им друг, а кто враг. В исследовании биолога Роланда Андерсона в Аквариуме Сиэтла восемь гигантских осьминогов контактировали с двумя незнакомыми людьми, одетыми в одинаковую синюю униформу. Один человек всегда кормил животных, а другой только тыкал в них острой палкой. Не прошло и недели, как осьминоги научились различать этих людей по внешности, едва взглянув на них из воды, даже без изучения щупальцами. Они мгновенно подплывали к кормильцу, а от обидчика старались спрятаться подальше. Некоторые осьминоги направляли в сторону ненавистного раздражителя свою воронку — кожистую трубку сбоку на голове, через которую они выбрасывают мощную струю и таким способом передвигаются в водной стихии.

Иногда осьминог может испытывать неприязнь к конкретному человеку. Однажды во время очередного вечернего обхода биолог в Аквариуме Сиэтла получила вместо приветствия струю соленой ледяной воды от обычно миролюбивого осьминога. Раньше это животное ни на кого не нападало. В дикой природе осьминоги используют свои воронки не только для передвижения, но и для того, чтобы оттолкнуть мешающие предметы. Возможно, этому осьминогу просто не понравился свет фонарика, который биолог держала в руках. Одна девушка-волонтер в Аквариуме Новой Англии подвергалась подобным атакам со стороны добряка Трумэна при каждой встрече. Потом она поступила в колледж и оставила работу в океанариуме. Спустя несколько месяцев она пришла в гости, и Трумэн — который за это время не облил ни одного человека — тут же окатил ее мощной струей соленой воды.

Само по себе представление об осьминогах как о личностях, которые наравне с нами обладают мыслями и чувствами, тревожит умы ученых и философов. Лишь недавно многие исследователи признали возможность наличия сознания у шимпанзе — а это столь близкие родственники человека, что между нами даже возможно переливание крови. Еще в 1637 году французский философ Рене Декарт заявил, что только люди способны мыслить и, следовательно, существовать в нравственной Вселенной («Я мыслю — значит я существую»). Эта идея так прочно укоренилась в современной науке, что даже Джейн Гудолл, одна из самых авторитетных приматологов в мире, долгое время боялась публиковать некоторые из своих наиболее интригующих наблюдений за шимпанзе в дикой природе. Изучая жизнь этих животных в заповеднике Гомбе-Стрим в Танзании на протяжении более чем двадцати лет, она много раз видела, как обезьяны намеренно обманывали друг друга, например подавляли пищевые крики при обнаружении вкусных фруктов, чтобы насладиться ими в одиночестве и не призывать

на место своих собратьев. Она опасалась, что коллеги обвинят ее в антропоморфизме — приписывании «человеческих» чувств объектам своих исследований, что в зоологии считается смертным грехом. Другие ученые из заповедника Гомбе-Стрим, с которыми я пообщалась, также признались, что до сих пор не опубликовали некоторые результаты своих исследований 1970-х годов из страха подвергнуться резкой критике со стороны коллег.

«Люди всегда стремятся преуменьшить эмоции и интеллект других видов, — заявил мне директор по связям с общественностью Аквариума Новой Англии Тони Лакасс после нашего знакомства с Афиной. «Особенно сильны предрассудки в отношении рыб и беспозвоночных», — согласился с ним Скотт. Мы с Тони и Скоттом шли по мосткам, опоясывающим Гигантский Океанский аквариум — трехэтажный резервуар почти на 760 тысяч литров воды, в котором воссоздано рифовое сообщество Карибского моря. Акулы, скаты, черепахи и стаи тропических рыб, подобно фантастическим видениям, парили рядом с нами, пока мы прогуливались и — вопреки всем научным табу — рассуждали о разуме животных.

Скотт вспомнил историю об одном осьминоге, чья изобретательность и грабительские повадки могли бы составить достойную конкуренцию хитрости шимпанзе в Гомбе-Стрим. «Наши биологи исследовали особый вид камбалы и поставили аквариум с ней метрах в пяти от резервуара осьминога. Каково же было удивление ученых, когда рыба вдруг начала исчезать — одна за другой. Биологи установили наблюдение за аквариумом и сумели поймать преступника с поличным. Им оказался их головоногий сосед! В отсутствие людей он выбирался из аквариума и преспокойно ел камбалу. Когда осьминога поймали на месте преступления, у него был очень виноватый вид. Пряча глаза, он поспешно ускользнул к себе домой».

А Тони рассказал о Бимини, крупной самке усатой акулы-няньки, которая когда-то жила в Гигантском Океанском аквариуме. Однажды акула напала на пятнистого угря и плавала по аквариуму с торчащим из пасти хвостом жертвы. «Один из дайверов, который хорошо знал Бимини, подплыл к ней, погрозил пальцем и хлопнул ее по носу, — сказал Тони. — Бимини немедленно выплюнула угря изо рта». (Угря срочно доставили к местному ветеринару, но, к сожалению, его не удалось спасти.)

С нашей бордер-колли Салли однажды приключилась похожая история. Она нашла в лесу мертвого оленя и решила перекусить. Когда я рявкнула «Фу! Выплюнь!», она мгновенно отпрыгнула падаль. Я всегда гордилась послушанием своей собаки. Но возможно ли добиться подобного от акулы?

Акулы не охотятся на рыбу в аквариуме, потому что их досыта кормят. «Но голод — это не главный мотив, которым они руководствуются, чтобы съесть или поранить других животных», — отметил Скотт. Однажды стая помпано (другое название — трахиноты) — округлых серебристых рыбок со спинными плавниками в форме косы — резвилась у поверхности воды в Гигантском Океанском аквариуме. Они подняли невероятный шум и гам. Тогда одна из песчаных тигровых акул поднялась со дна и начала атаковать рыб — она кусала их за плавники, но не убивала и не ела: по-видимому, они ее просто раздражали. «Она кусала их не как хищник, а как главный по аквариуму, который хочет навести порядок», — уточнил Тони.

С точки зрения многих людей, наши аргументы могли прозвучать как настоящая ересь. Скептики правы в том, что поведение животных часто можно неверно истолковать, как бы они ни были на нас похожи. Несколько лет назад я посетила исследовательский лагерь Бируте Галдикас на Борнео, где выпущенные на волю орангутаны учились

жить в дикой природе. Вместе со мной приехала одна девушка, очарованная этими прекрасными животными, — новичок-волонтер из Соединенных Штатов. Увидев мохнатых рыжих красавцев, она бросилась к ним обниматься. Но одна взрослая самка сбила ее с ног и повалила на землю. Девушка не понимала, что, в отличие от людей, орангутанги не жаждут обниматься с незнакомцами.

Заманчиво было бы предположить, что животные мыслят и чувствуют так же, как мы, особенно когда мы хотим им понравиться. Один мой приятель, работающий со слонами, рассказывал мне о женщине, которая гордо именовала себя «коммуникатором с животными». Как-то раз она посетила в зоопарке агрессивного слона и, проведя с ним сеанс телепатической связи, заявила зрителю: «Видите, я ему понравилась! Он хотел положить голову мне на колени». Любопытно, что отчасти женщина верно истолковала его порыв: слоны действительно иногда кладут голову на колени людям. Но только для того, чтобы их убить. Они сминают человека своим мощным лбом точно так же, как вы давите окурок сигареты носком ботинка.

В начале XX века австро-британский философ Людвиг Витгенштейн верно подметил: «Даже если б лбы умели говорить, мы бы все равно их не поняли». В случае с осьминогами пропасть была бы еще больше. Лев — такое же млекопитающее, как и мы; осьминог — совершенно иное существо с тремя сердцами, с мозгом, опоясывающим пищевод, и слизью вместо волос. Даже их кровь отличается по цвету от нашей: она синяя, поскольку кислород там переносится медью, а не железом.

В классической книге «Домик на краю земли» американский натуралист Генри Бестон писал, что «животные нам ни братья меньшие, ни рабы», а «особенные создания, одаренные диапазоном ощущений, давно утерянным человеком, либо чувствами, ему недоступными: они живут в мире

голосов, которых мы никогда не услышим». «Это другие племена, подобно нам пойманные в сети жизни и времени, товарищи по несчастью в преодолении земных невзгод». Для многих людей осьминог — это не просто представитель другого народа — это пришелец из далекой и грозной галактики.

Но для меня Афина была больше, чем просто животным. Она была личностью, которая мне очень нравилась, и, возможно, даже порталом в другое измерение. Она помогла мне по-новому взглянуть на феномен разума, познакомила с иной его формой, а также побудила исследовать ту часть нашей планеты, которая до сих пор оставалась для меня неизведанной, — необъятный водный мир.

Уже дома я попыталась оживить в памяти наше общение с Афиной, но это оказалось не так-то просто. Образы шли нескончаемым потоком. Студенистое тело Афины и восемь ее проворных эластичных щупалец постоянно двигались, ни секунды не пребывая в покое. Она все время меняла форму, цвет и текстуру. То она была ярко-алой и бугристой, то вдруг становилась гладкой и покрывалась темно-коричневыми или белыми прожилками. Некоторые участки ее тела меняли цвет так быстро — менее чем за секунду, что едва мое сознание успевало отметить один цвет, как он уже превращался в другой. Как поется в одной песне Джона Денвера, она «завладела всеми моими чувствами».

Неограниченные костями и суставами, ее руки-щупальца непрестанно двигались, извивались, вытягивались и скручивались — все одновременно и в разных направлениях. Каждая из них казалась отдельным существом с собственным разумом. Хотя на самом деле так оно и есть — в буквальном смысле. Три пятых всех нейронов осьминога находятся не в мозге, а в руках. Если отделить конечность от тела, зачастую она в течение нескольких часов может жить своей

жизнью, будто ничего не произошло. Говорят, что отделенная от тела рука может продолжать охотиться и даже ловить добычу — и передавать ее в сторону рта, которого, к сожалению, больше нет.

Всего одной присоски Афины было бы достаточно, чтобы полностью завладеть моим вниманием, а их у нее 1600. Каждая из них действовала в режиме многозадачности: впивалась в мою кожу, пробовала ее на вкус, удерживала, ошупывала, отпускала. На каждой руке гигантского осьминога два ряда присосок: на концах щупалец расположены самые мелкие, ближе ко рту — более крупные (у Афины их диаметр около 5 см, у крупных самцов он может достигать 7 см). Присоска состоит из двух частей. Наружная часть имеет форму широкой чаши с сотнями радиальных мышечных волокон, прикрепленных к внешнему кольцу. Внутренняя часть представляет собой небольшое отверстие в центре присоски, через которое из чаши-присоски выжимается вода и, таким образом, создается отрицательное давление, прочно прижимающее присоску к предмету. Вся эта конструкция может сгибаться в соответствии с формой присасываемого предмета и даже орудовать как пинцет, захватывая мелкие вещи (как это делаем мы с помощью большого и указательного пальцев). Каждая присоска контролируется отдельными нервами, которыми осьминог может управлять произвольно и независимо друг от друга. И каждая из них обладает фантастической силой. Джеймс Вуд, создатель авторитетного сайта о головоногих *The Cephalopod Page*, подсчитал, что присоска диаметром чуть больше 6 см в состоянии поднять почти 16 килограммов. Будь все присоски такого размера, осьминог мог бы справиться с весом 25,5 тонн. Другой ученый рассчитал: чтобы вырваться из объятий гораздо меньшего по размеру осьминога обыкновенного, требуется сила в четверть тонны. «Дайверы, — предостерегает Вуд, — должны быть очень осторожны».

Присасывание Афины к моей коже было нежным, потому что я не испытывала страха и не пыталась отдернуть руку. Как впоследствии я узнала от ее зрителя Билла, я вела себя совершенно правильно.

— Многие люди боятся этих созданий, — сказал он, когда я позвонила, чтобы договориться о втором визите. — Поэтому, когда приходят посетители, рядом всегда находится наш коллега, готовый прийти на помощь. А главное, нельзя допустить побега животного. Невозможно предсказать, как поведет себя осьминог. Например, от Афины очень трудно отделаться, если она этого не хочет: она хватается за вас четырьмя руками, и, пока вы их от себя отдираете, она уже обвивает вас четырьмя другими.

— Да, у всех у нас бывали такие неудачные свидания, — в шутку замечаю я.

Пока Афина обследовала шупальцами мои руки, она смотрела мне прямо в лицо. Меня поразило, что она сумела распознать, где оно вообще находится у столь отличного от нее существа. Я спросила у Билла, любит ли Афина ощупывать человеческие лица.

— Мы никогда не позволяем ей этого делать, — строго ответил он.

— Почему? Она может выдавить глаз?

— Именно.

Он также рассказал, что, когда осьминоги хватали рукоятки щеток, которыми он чистил аквариум, ему ни разу не удалось их побороть и отнять опасный предмет.

— Осьминог всегда выходит победителем. Поэтому ни в коем случае нельзя позволять ему приближаться к лицу. Вы должны осознавать риски.

— Мне показалось, что Афина хотела затянуть меня в аквариум, — сказала я.

— Ей это под силу, и будьте уверены, она не оставит своих попыток, — предостерег меня зритель.

Мне не терпелось встретиться с Афиной еще раз, и мы договорились об очередном визите во вторник, когда Билл и его самый опытный волонтер Уилсон Менаши будут на месте. «Уилсон умеет ладить с осьминогами, как никто другой», — говорил мне Скотт, а Билл это еще раз подтвердил.

Уилсон Менаши — бывший инженер и изобретатель, работавший в компании Arthur D. Little Corp. и запатентовавший множество изобретений. В океанариуме Уилсон выполняет важную миссию: придумывает развивающие игрушки для осьминогов. «Если им нечем заняться, они начинают скучать», — объяснил мне Билл. А без развлечений осьминог становится не только раздражительным, но и опасным. Как владелец двух бордер-колли и домашней свиньи весом почти 340 килограммов, я знаю, что позволить умным животным скучать — верный путь к катастрофе. Они обязательно найдут, чем заняться, и поверьте, вам точно не понравится, куда заведет их фантазия. К примеру, Лукреция Макэвел в Сиэтле от безделья разбирала на части все предметы в своем аквариуме. А маленький калифорнийский двупятнистый осьминог длиной всего 20 сантиметров сумел нанести ущерб океанариуму Санта-Моники на несколько тысяч долларов. Он игрался с клапаном в своем резервуаре, в результате чего сотни литров воды вылились наружу, затопили административные помещения и испортили новые экологичные полы.

Еще одна опасность скуки заключается в том, что питомец может попытаться сбежать в более интересное место. По части выскальзывания из заточения осьминоги не уступают в ловкости Гарри Гудини. Однажды Л. Брайтвелл, сотрудник Морской биологической станции в британском Плимуте, в половине третьего ночи столкнулся на лестнице с осьминогом, который выбрался из своего резервуара и полз по ступенькам к выходу. На одном траулере в Ла-Манше пойманная осьминожка, оставленная на палубе, сумела

спуститься по лестнице и пробраться в каюту. Ее обнаружили несколько часов спустя в заварочном чайнике. Еще один умелец, которого держали в небольшом частном океанариуме на Бермудских островах, сдвинул крышку со своего аквариума, выбрался наружу, пересек веранду и направился по газону в сторону моря. Ему удалось преодолеть путь длиной порядка 30 метров, прежде чем он был атакован полчищами муравьев и умер.

Пожалуй, еще более удивительный случай был зафиксирован в июне 2012 года, когда охранник в океанариуме Монтерей-Бэй в Калифорнии в три часа ночи нашел банановую кожуру на полу напротив экспозиции с коралловым рифом. При ближайшем рассмотрении кожура оказалась красным осьминогом размером с кулак. Охранник проследил по влажной склизкой дорожке, откуда приполз беглец, и вернул его в аквариум. Но самый шокирующий факт выяснился на следующий день: оказалось, в экспозиции Большого барьерного рифа не числился никакой красный осьминог! По всей видимости, он проник в аквариум тайно, еще совсем крошечным прикрепившись к камню или губке, и спокойно жил там, незаметно для всех.

Чтобы предотвратить подобные происшествия, сотрудники океанариумов тщательно продумывают конструкцию крышек на резервуарах с осьминогами, а также стараются найти своим умным питомцам интересные занятия. В 2007 году кливлендский зоопарк «Метропарк» выпустил целый сборник идей, как развлечь осьминогов. В некоторых океанариумах сотрудники прячут еду в Мистера Картофельная голова, позволяя своим подопечным разбирать игрушку, другие предлагают им конструктор лего. А сотрудники Морского научного центра Хэтфилд при Орегонском университете разработали хитроумное устройство, с помощью которого осьминоги могут рисовать картины — при нажатии на рычаги на холст выплескиваются определенные краски.

Эти шедевры затем можно продавать на аукционе, собирая средства на содержание самих живописцев.

В Аквариуме Сиэтла гигантский осьминог по имени Сэмми любил играть с пластиковым шариком, состоящим из двух скручивающихся частей, размером с бейсбольный мяч. Смотритель прятал еду внутрь, Сэмми раскручивал половинки и доставал лакомство. Но однажды смотритель с удивлением обнаружил, что его подопечный не только вынул еду из шарика, но и закрутил его обратно! Еще одна его игрушка была сделана из пластиковых трубок, по которым ручные песчанки любят ползать, как по тоннелю. Но вместо того, чтобы исследовать тоннель щупальцами, как ожидали смотрители, Сэмми принялся раскручивать его на части, а когда закончил, отдал их своей соседке по аквариуму актинии. Безмозглая актиния некоторое время подержала детали своими щупальцами, потом засунула их в рот и выплюнула.

Но Уилсон пошел гораздо дальше. Задолго до публикации первой книги о способах развлечения осьминогов он поставил перед собой цель разработать безопасные игрушки, достойные осьминожьего интеллекта.

В своей лаборатории в Arthur D. Little Corp. Уилсон сконструировал набор из трех прозрачных коробок из оргстекла с разными замками. У самой маленькой коробочки скользящая задвижка, как засов на лошадином стойле. Если внутрь положить живого краба — любимую еду осьминогов, они обязательно выяснят, как открыть задвижку и добраться до лакомства. Теперь можно переходить к другой коробке: она развинчивается против часовой стрелки. Кладем краба в первую коробку и прячем ее внутри второй. Теперь осьминогу придется поломать голову чуть дольше. Когда он научится справляться с двумя коробками, можно переходить к третьей, самой большой. Она снабжена двумя затворами: скользящим шпингалетом и замком в виде рычага,

при нажатии на который крышка плотно запечатывает коробку (такие раньше были на консервах). По словам Билла, когда осьминог «понимает принцип», он может открыть все четыре замка за три-четыре минуты.

Я с нетерпением ждала встречи с Биллом и Уилсоном, чтобы услышать новые подробности об этих удивительных животных. Но еще больше я ждала встречи с Афиной. Как она будет вести себя с людьми, которых хорошо знает? А главное, узнает ли она меня?

Билл встречает меня в вестибюле океанариума. Это высокий атлетичный тридцатидвухлетний мужчина с короткими каштановыми волосами и улыбкой, играющей в уголках глаз. Из-под правого рукава его зеленой футболки по руке сползают щупальца — татуировка португальского кораблика, жалящей медузы, с лазурным парусом. Мы поднимаемся по лестнице до кафетерия и сворачиваем на служебную лестницу, ведущую к галерее Холодных Морей, которой Билл заведует. Он отвечает за 15 000 животных: от беспозвоночных, таких как Афина, морские звезды и актинии, до гигантских омаров, исчезающих видов черепах и древнейших химер, или акул-призраков. Эти глубоководные хрящевые рыбы отделились от общего с акулами предка около 400 миллионов лет назад. Билл знает каждого своего подопечного лично: многие из них родились (или, скорее, вылупились или отпочковались) и выросли под его заботливым присмотром; некоторых он выловил в экспедициях в холодных водах Мэна и в северо-западной части Тихого океана.

Уилсон уже на месте. Это мужчина небольшого роста, спокойный и опрятный, с темными усами и залысинами (в конце концов, он уже дедушка с почти взрослыми внуками, но все равно выглядит гораздо моложе своих семидесяти восьми лет). В его речи слышится какой-то

ближневосточный акцент, но я так и не смогла определить, откуда он.

Уже почти 11 утра, время кормления Афины. Поддон с мелкой серебристой мойвой уже стоит на крышке соседнего аквариума. Мы не хотим заставлять ее ждать.

Мужчины поднимают тяжелую крышку и закрепляют ее на свисающем сверху крюке. Крышка покрыта мелкой сеткой и точно повторяет сложные контуры люка — эта конструкция была доведена до совершенства за долгие годы содержания осьминогов в неволе и все это время эффективно предотвращала побеги. Билл оставляет меня с Уилсоном, а сам отправляется заниматься другими делами, коих у него в галерее великое множество. Уилсон поднимается по лестнице и наклоняется над люком.

Афина вылетает из своего логова, как пробка из бутылки. Это происходит так быстро, что у меня перехватывает дыхание — в прошлый раз она поднималась ко мне гораздо медленнее.

— Просто она меня знает, — поясняет Уилсон и засовывает руку в резервуар, чтобы поздороваться с Афиной.

Из воды высовывается дуга щупальца с белыми присосками и обхватывает руку Уилсона до самого предплечья. Афина смотрит на него своим серебристым глазом, а затем неожиданно для меня переворачивается и показывает свой живот, совсем как щенок. Уилсон протягивает рыбешку к центральным присоскам на ее руке. Еда, словно по ленте конвейера, направляется к жадному рту. Мне хочется рассмотреть, что же там внутри, увидеть наконец знаменитый осьминожий клюв. Но я разочарована: рыба исчезает, как лестница в конце эскалатора. По словам Уилсона, даже он не видел, чтобы осьминог показывал свой клюв.

Только сейчас я замечаю большую оранжевую морскую звезду-подсолнуха, которая движется к руке Уилсона, плавно перебирая своими 15 000 трубчатых отростков-ножек. Это

прекрасное создание с более чем двадцатью конечностями с размахом более 60 сантиметров, которые, как у настоящей звезды, называются лучами. Как и у всех ее сородичей, у нее нет ни глаз, ни лица, ни мозга. (У зародышей морской звезды он только начинает развиваться, но затем преобразуется в нейронную сеть вокруг рта. По-видимому, природа решила, что настоящей звезде мозг не нужен.)

— Он тоже хочет рыбы, — говорит Уилсон. (Оказывается, это самец. Это обнаружилось в один прекрасный день, когда звездочка выпустила облако спермы и замутила всю воду в аквариуме.)

Уилсон протягивает ему мойву таким же привычным жестом, каким мы передаем гостю масленку за обеденным столом.

Разве может безмозглое животное чего-то «хотеть», не говоря уже о том, чтобы сообщать о своих желаниях другим видам? Судя по всему, для Афины морская звезда — сосед по аквариуму и такая же полноценная личность, привычки и причуды которой она хорошо знает и даже может предугадать ее действия. Как рассказала мне изобретатель рисовального аппарата для осьминогов Кристен Симмонс из Морского научного центра Хэтфилд, когда их осьминог разбирает на части Мистера Картофельная голова, морская звезда подхватывает его глаза и таскает их по дну аквариума, удерживая двумя лучами. «Это выглядит очень смешно», — подметила Кристен с улыбкой. По ее словам, их морская звезда очень «любопытна» и стоит только осьминогу получить новую игрушку, как негодница норовит ее отнять. Даже если сотрудник забирает что-то у звезды и кладет это в другой угол аквариума, она «бежит» туда и возвращает себе игрушку.

И снова тот же вопрос: может ли существо без мозга испытывать любопытство? Желание играть? Или же оно «хочет» игрушки или пищу в той же мере, в какой растение

«хочет» солнца? Обладают ли морские звезды сознанием? И если да, на что оно похоже?

Мне ясно одно: в этом уникальном мире не работают те правила, которые мы привыкли применять в отношении позвоночных на суше. Между тем наш герой начинает растворять рыбу: мойва тает прямо у нас на глазах, словно на ускоренной съемке. Морские звезды выворачивают свой желудок через рот, обволакивая им пищу — морских ежей, улиток, морские огурцы и других морских звезд.

Накормив звезду, Уилсон возвращается к Афине и отдает ей остальную рыбу. Одну за другой он складывает рыбешек на каждое щупальце, по три штуки в порции. Я в изумлении смотрю, как Афина передает мойву по цепочке присосок ко рту. Но почему она просто не согнет щупальце и не положит угощение прямо в рот? Потом мне приходит в голову: возможно, по той же причине, почему мы предпочитаем лизать мороженое, а не засовываем весь стаканчик в рот. Таким образом мы узнаем, съедобен ли продукт, а также можем в полной мере насладиться его вкусом. Осьминог делает то же самое с помощью своих присосок.

Закончив трапезу, Афина нежно играет с Уилсоном. Время от времени ее завитки лениво оплетают его руку до самого локтя, но в основном щупальца парят в воде, и она прикасается присосками к коже, словно покрывая ее поцелуями. В прошлый раз она ощупывала меня пытливо и довольно настойчиво. Но с Уилсоном она полностью расслаблена. Афина и Уилсон напоминают мне пожилых супругов, которые много лет прожили в счастливом браке, но по-прежнему нежно держатся за руки.

Я тоже опускаю руки в воду и трогаю свободное щупальце Афины, медленно поглаживая ее присоски. Они сгибаются, подстраиваясь под очертания моей кисти, и приникают к ней. Я не знаю, узнала ли она меня. Афина, несомненно, отличила меня от Уилсона по вкусу, но стала ощупывать

мою руку так же медленно и расслабленно, как и его, — она повела себя как человек, который сразу проникся доверием к приятелю своего друга. Я наклоняюсь, чтобы заглянуть в ее перламутровый глаз, и в ответ она высовывает свою голову на поверхность, чтобы посмотреть мне в лицо.

— У нее есть веки, как и у нас, — говорит Уилсон и аккуратно проводит рукой по ее глазу, заставляя ее медленно моргнуть. Она не пытается отпрянуть или увернуться. Афина хорошо поела, теперь пришло время для общения.

— Она очень нежный осьминог, — почти мечтательно говорит Уилсон, — очень нежный...

Я спрашиваю, сделала ли его работа с осьминогами более чутким и отзывчивым человеком? Уилсон на мгновение задумался.

— Мне сложно описать это словами, — говорит он.

Вообще-то Уилсон родился на берегу Каспийского моря в Иране, недалеко от России, и в детстве говорил по-арабски, поскольку его родители были выходцами из Ирака. Но это вовсе не означает, что ему не хватает знания английского языка, чтобы ответить на мой вопрос. Просто он никогда раньше об этом не думал.

— Я всегда любил маленьких детей, — говорит он. — Я их понимаю, мне нравится с ними общаться. С осьминогами — то же самое.

Действительно, общение с Афиной, как и с ребенком, требует намного более высокого уровня открытости и интуиции, чем общение между взрослыми людьми одной культуры. Но Уилсон не приравнивает этого сильного, умного, выловленного в дикой природе зрелого осьминога к беспомощному и не до конца развитому человеческому детенышу. Афина, по словам великого канадского прозаика Фарли Моузта, — это «больше чем человек»: это совершенное существо, которое абсолютно не нуждается в людях. Чудо состоит в том, что она позволяет нам стать частью ее мира.

— Вы действительно считаете, что она оказывает вам честь? — интересуюсь я.

— Да, — вполне серьезно отвечает Уилсон.

Билл, который уже закончил обход своих владений, поднимается к люку и здоровается с Афиной, легко поглаживая ее по голове.

— Она не каждому это позволяет, — говорит он. — Но это очень приятно.

Сколько же мы были с Афиной? Трудно сказать. Прежде чем опустить наши руки в воду, мы сняли наручные часы — и погрузились в осьминожку Реку Времени. Известно, что чувство благоговения, или так называемое состояние «потока», когда человек полностью погружен в происходящее, изменяет чувство времени. То же самое можно сказать о молитве и медитации.

Есть еще один способ изменить наше восприятие. Мы, как и другие животные, можем подстраиваться под чужое эмоциональное состояние. Это происходит благодаря зеркальным нейронам — клеткам головного мозга, которые реагируют на действия других людей так же, как если бы их совершали мы сами. Например, если вы общаетесь со спокойным, неторопливым человеком, ваше восприятие времени может стать таким же размеренным и неспешным. Возможно, общаясь с осьминогом, мы переходим на его ритм — древний, медленный и плавный, не совпадающий с бегом стрелок на часах. Я могла бы оставаться здесь вечно, всецело погруженная в странный, зачаровывающий мир Афины, болтая с моими новыми друзьями... если бы не так сильно мерзли руки.

Мои пальцы покраснели и так заоченели, что я с трудом смогла ими пошевелить. Когда я вынула руки из ледяной воды, с меня словно спали чары. Я вдруг ощутила

себя абсолютно неловкой и некомпетентной. Даже продержав кисти больше минуты под струей горячей воды, я не смогла достать из сумочки блокнот и ручку, не говоря уже о том, чтобы сделать какие-то записи. И это называется писатель?

— Гвиневра была моей первой, — признался Билл, — а значит, и самой любимой.

На ланч мы с Биллом, Уилсоном и Скоттом отправились в суши-бар по соседству с океанариумом. Закономерный выбор: ведь после того, как Афина на наших глазах с таким аппетитом расправилась с сырой рыбой, нам захотелось последовать ее примеру. Никто из нас четверых не заказал осьминога — я, например, попросила калифорнийские роллы.

— Когда я подходил к люку, она была вне себя от радости, — продолжил Билл. — Она буквально душила меня в объятиях. Но спустя пару минут успокаивалась и принималась исследовать руки уже более нежно и аккуратно.

Гвиневра также была единственным осьминогом, который его укусил. Она не выпустила яд и даже не оставила шрама. Но все же он не хотел бы испытать такое еще раз.

— Это было похоже на укус попугая, — вспомнил Билл (к слову сказать, попугай может создать клювом давление порядка ста килограммов на квадратный сантиметр, а это весьма болезненно, так что Билл еще легко отделался). И тут же, словно желая спасти репутацию своей любимицы, галантно добавил: — Да ладно, укус-то был пустяковый.

Это случилось в самом начале их отношений и, по словам Билла, всецело по его вине. Он поднес свою руку слишком близко к ее рту.

— Ей просто стало любопытно: съедобна ли моя рука?

Потом он рассказал мне о других своих подопечных:

— Взять хотя бы Джорджа — замечательный самец. Очень спокойный, не напористый. С навязчивыми осьминогами первые десять минут вы только и делаете, что пытаетесь освободиться от их щупалец. Вы отрываете их от себя, а они пытаются на вас вскарабкаться. А Джордж подплывал, обследовал мою руку, ел и спокойно удалялся. Иногда мы общались целый час... Он умер, когда я был в отпуске...

Жизнь осьминогов вообще довольно бурная, но короткая: единственный долгожитель среди них — гигантский осьминог, и тот в среднем живет каких-то три-четыре года. При этом в океанариум они обычно попадают в возрасте года или старше.

— Я понятия не имел, что Джордж скоро умрет, — продолжал Билл. — Обычно перед смертью у осьминогов меняется форма тела, окрас и поведение. Они становятся менее подвижными и игривыми — это похоже на увядание людей. Они почти перестают окрашиваться в красный цвет, их кожа бледнеет и иногда покрывается белыми старческими пятнами.

— Должно быть, это тяжело, — заметила я.

Билл пожал плечами. В конце концов, это часть его работы. Но помнится, во время моего первого визита Скотт сказал про Билла: «Он любит их как собственных детей. Когда осьминог умирает, для него это тяжелая потеря. Трудно расстаться с животным, о котором ты заботился каждый день в течение нескольких лет».

Преемник Джорджа Трумэн поступил в океанариум, когда Билл был в отъезде.

— Он был одним из самых активных осьминогов, — сказал он. — И настоящим авантюристом.

У каждого осьминога свой подход к вскрытию коробок Уилсона. Все они довольно быстро учатся отпирать замки.

